

Рефлексируя проблему

Александр СУНГУРОВ

Шесть текстов выступлений на октябрьской конференции отделения прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала ГУ-ВШЭ, отобранных для публикации в этом номере «Философских наук» вместе, на мой взгляд, представляют существенную часть дискурса, связанного с развитием инноваций в социально-политической сфере.

Наиболее провокативный из них – текст Г.Г. Почепцова – дает обильную пищу для дискуссии, прежде всего в связи с тем, что его автор фактически исходит из конспирологической концепции объяснения общественно-политических процессов как на региональном, так и на глобальном уровне. Такая концепция подразумевает некоего могущественного демиурга, задумывающего и реализующего коварные планы, что, по моему глубокому убеждению, не соответствует реальному сложному и многовариантному миру. Вместе с тем в тексте Г.Г. Почепцова поднимается важный вопрос о существовании как «приемлемых», так и «неприемлемых», в том числе и с нравственных позиций, инноваций, а также вопрос об их человеческой цене – вопрос, который заслуживает отдельного и серьезного обсуждения.

А.П. Давыдов развивает в своей статье тезис, блестяще обоснованный в работах А.С. Ахиезера, о глубоком расколе в российском социуме, вызывающем резкие колебания от жесткого централизма к анархической вольнице и обратно. Можно вполне согласиться с А.П. Давыдовым, что одной из причин все время воспроизводящегося раскола является глубоко въевшееся в общественное сознание «манихейское» разделение мира на добро и зло. Одним из возможных лекарств против этого могло бы стать воспитание толерантного сознания, готовности принять инаковость, пусть даже и нарушающую обычный ход вещей («habitus», по Пьеру Бурдьё), оторваться от въевшихся в наше сознание с 20-х годов прошлого столетия лозунгов типа «кто не с нами, тот против нас» и т.д., ибо только в толерантной среде человек творческий может чувствовать себя свободным и раскрывать свой инновационный потенциал.

М.Ю. Мизулин, хорошо знающий современных руководителей высшего уровня по работе в Высшей школе управления РАГС, формулирует достаточно пессимистический тезис о невозможности инновационного развития силами современных российских властных политиков. Впрочем, сам автор оставляет возможность возникновения инноваций в «пограничных» с собственно политической областях, а именно здесь и находятся, на наш взгляд, структуры зарождающегося гражданского общества.

Георгий ПОЧЕПЦОВ

У инновации должно быть человеческое лицо. Движение вперед всегда является в определенной степени движением в никуда. Мы

ощущаем его только постфактум, только в момент завершения этого перехода, когда отсутствует возможность возврата назад. Настоящее все время является флуктуацией, системное всегда позади. Социосистемы меняются, особенно тогда, когда им помогают в этом. Но они делают это неохотно и не всегда по своей воле.

По сути, мы пытаемся ответить на вопрос, что представляет собой то, чего нет. Или иначе, как общество преодолевает уровень неопределенности, возникающий в подобных случаях. Цикличность А. Давыдова – это способ закрыть эту неопределенность отсылкой на прошлое. Идентичность В. Костюшева разрешает эту неопределенность введением персональной защиты от нее в виде статичных параметров, например, демографического порядка.

Инновация призвана преодолевать неопределенность технологически – как ледокол. Она рассчитывается и выстраивается под то сопротивление, которое ожидается. Разные подходы к инновации как технологии суммированы у А. Сунгурова. Но если внимание Сунгурова сконцентрировано на множестве путей инноваций, то М. Мизулин, наоборот, акцентирует множественность путей сопротивления инновациям. Г. Тульчинский удерживает свой взгляд на инновацию в опоре на постимперское культурное прошлое, т.е. в заложенных заранее «рельсах», по которым со временем могут пойти или не пойти поезда.

Империи обладают серьезными ресурсами, дающими возможность осуществлять прорывы. Империи обладают мета-уровнем, позволяющим осуществлять иное осмысление действительности как управляемой извне и изнутри. Это связано с концентрацией выработки определенного управленческого продукта в одном месте (например, религиозного, символического или военного), поскольку для империи характерна специализация. Следовательно, империи в своем строительстве будущего для других или для себя обладают гораздо меньшей неопределенностью. Это ведет к более уверенному продвижению вперед, но только тогда, когда империя видит необходимость такого продвижения. Чаще она видит его на своих соподчиненных территориях, чем внутри себя.

Империи также видят свое прошлое, настоящее и будущее более сформированным, чем другие образования. Включение в империю – это потеря не только своего настоящего, но и прошлого, и будущего. Правда, римская империя «забирала» местных богов в свой пантеон, но прошлое должно становиться общим. Советская «империя» тоже заменяла прошлое, удерживая единый канонический вариант. Будущее также становилось общим, поскольку было единым.

Инновация разрушает безальтернативность движения вперед. Вспомним, как мантрой перестройки было бесконечно повторяемое утверждение, что ей нет альтернативы. Это связано с тем, что включение в одну инновацию – перестройку – перекрывает возможности другой.

Перестройка как сумма инноваций исходно не была таковой. Система должна была сохранить себя и своих лидеров. Однако, веро-

ятно, ни одна система не способна удержать естественные процессы, если они оказываются реально, а не имитационно запущенными. Инновация под руководством лидеров КПСС привела к гибели страны (КП) СССР.

Одним из вариантов облегчения продвижения инноваций может стать приватизация будущего тренда. В мире сейчас активно изучается Поколение-2020, то поколение, рождения 1980 – 1991, которое придет к власти в 2020 году (*Luntz F.I. What Americans really want... really. The truth about our hopes, dreams, and fears. – N. Y., 2009; Zogby J. The way we'll be. The Zogby report on the transformation of the American dream. – N. Y., 2008*). Те или иные его характеристики, например, падение интереса к новостям или уменьшение роли церкви, могут стать подсказкой для выстраивания стратегий продвижения инноваций.

Михаил МИЗУЛИН

Позиция А.Ю. Сунгурова относительно того, что общественно-политическая сфера рассматривается не в качестве арены для инноваций общественной и политической жизни, а лишь как среда для развития инноваций технологических, схожа по смыслу с моей позицией – что политическая инновационность сама по себе бессмысленна. Желательна ее практическая результативность и публичная самоотдача.

Абсолютно согласен с Сунгуровым, что неоднократные попытки создания инновационной среды в нашей стране, не меняя ничего в политике, приводят к пониманию того, что сама организация социально-политической среды, а еще шире – среды социально-культурной, может способствовать или препятствовать инновациям и в сфере технологической.

Современная Россия, как известно, существует в «постимперском, постсоветском периоде». Г.Л. Тульчинский пишет о том, что «в постимперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещения, гуманитарному развитию, личностной реализации», что весьма неоднозначно. С одной стороны, в культуре современной России, действительно, есть много конструктивного, но с другой – на сегодня мы до сих пор не имеем прозрачного, транспарентного политического процесса, который способно генерировать культурное пространство. Хотя, как далее отмечает автор, степень конструктивности постимперских культур весьма широко варьируется.

Следует согласиться с автором в важности внутренних факторов инновационного развития, таких, как: создание социальной базы модернизации, образование и просвещение, формирование новой элиты, социальных институтов эффективных заимствований и реализации собственных наработок. В этом плане, как пишет автор, «культурные барьеры модернизации в России сохраняют устойчивость вот уже два столетия». Г.Л. Тульчинский прав и в том, что «опыт на-

циональной политики СССР – убедительный пример того, от какого исторического опыта и наследства надо отказываться». К сожалению, это плохо понимается нынешним российским обществом, политиками, даже экспертами. В Конституцию РФ записана советская формула о России как многонациональном государстве – реальная «бомба, подведенная под самый фундамент конституционного строя». Действительно, получается, что граждане РФ не образуют национального единства, не являются государственной нацией, в которую входят ее народы.

В.В. Костюшев полагает, что одной из базовых социокультурных характеристик современной культуры постсоветского российского общества является идентификационный поиск в особых состояниях структурной неопределенности. Любая ситуация идентификации определяется сопряженностью и конфликтом двух базовых идентичностей: социальной идентификации, приписываемой актору внешним окружением, и самоидентичности, определяемой актором по отношению к самому себе, как его самосознание. Однако в современном российском обществе, переживающем интенсивную трансформацию, конфликт социальной идентичности и самоидентичности акторов многократно усиливается и становится доминирующей характеристикой, определяющей все политическое и социокультурное пространство на всех уровнях общественной жизни – вплоть до внешнеполитической идентичности государства «Российская Федерация» и, соответственно, государственной самоидентификации. В этом автор прав. Исток конфликта социальной и личностной идентичностей лежит в культурном слое, что является главной причиной социально-политического тупика.

А.П. Давыдов развивает идеи известной модели А.С. Ахизера, согласно которой мышление – часть культуры, и в его основе лежат две противоположные логики культуры: инверсия и медиация. Согласно Давыдову, современные политические смыслы медиации применительно к России трактуются как демократия, альтернатива господству полюсов в культуре, свобода воли. Субъектом их формирования является творческая личность. И можно согласиться с автором, что в современной российской культуре медиация нарастает, хотя она все еще оттеснена на периферию массового сознания, и до сих пор в нашей культуре господствует инверсия. Мнение о циклическом инверсионном развитии России можно считать вполне обоснованным благодаря исторической практике. Специфика ли менталитета русского человека являлась основной причиной инверсионного развития – вопрос открытый, так как, кроме того, нужно учитывать множество внешних, не менее важных факторов и событий, произошедших в нашей истории.

По мнению Г.Г. Почепцова, серьезные политические инновации (включая революции) в наше время предполагают максимальную интенсификацию «информационного компонента», дающего импульс компонентам политическому и экономическому, трансформа-

ция которых делает уже невозможным возврат к исходному состоянию. И, если я правильно понял автора, этот «информационный компонент» является инструментом социально-политического проектирования. Полагаю, что если в политике административный и информационный контроль важны, то его распространение в неполитическую сферу недопустимо. Эта идея — один из основных тезисов, развиваемых в моей статье. Возможность же преобразования сопротивления населения в энергию движения и развития, несомненно, является «наиболее интересной задачей», но само наличие сопротивления населения — очередное доказательство того, что политическое развитие в современной России почти не возможно. Инновационные идеи будут плодотворны, если будут востребованы общественной средой и практикой политической жизни. Бессмысленна политическая инновационность сама по себе. Желательна ее практическая результативность и публичная самоотдача.

Проблема культурных барьеров на пути к инновационному развитию является наиболее острой, так как эффективной политики, или экономики невозможно представить, не имея инновационных и компетентных кадров. Политическая культура институтов и механизмов политической жизни является принципиальным вопросом, требующим особого внимания со стороны политиков, а также научного общества.

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ

Политология — интенсивно становящаяся дисциплина, и то, как она энергично осваивает концептуальный аппарат, модели, выработанные в смежных отраслях знания, можно только приветствовать. Ярким примером является освоение наработок теории и практики управления нововведениями, инновационного менеджмента. И такая адаптация делается А.Ю. Сунгуровым весьма корректно, открывая новые возможности политологического анализа и объяснения. Показательно, например, то, что в его статье отмечено главное, что выделяет управление любым нововведением, то, что делает развитие инновационным. Речь идет о том, что любое нововведение является вызовом имеющемуся опыту, компетентности — жизненной и профессиональной. Поэтому главной проблемой инновации становится эффективное управление сопротивлением ей.

В этой связи показателен круг идей и технологий, рассматриваемых Г.Г. Почепцовым. Речь в его работе идет не столько о технологиях инноваций, сколько об информационно-коммуникативном обеспечении эффективных спецопераций, т.е. манипулирования. Конечно же, любая инновация, любой проект предполагают некий интерес, некую мотивацию, цель, ресурсы для ее достижения, включая преодоление возможного сопротивления. Но преувеличение этого обстоятельства чревато сведением исторического процесса к конспирологическим построениям, их мифологизации. Разумеется, проекты, программы были, есть и будут. Но следует помнить, что таких

проектов много, они сталкиваются, конкурируют. Политическая реальность – равнодействующая множества волей. Кроме авторов проектов («сценаристов») есть еще режиссеры, исполнители, «хор», который не всегда безмолвствует... Поэтому – хотели одно, а получили в результате, чаще всего, далеко, а то и совсем, не то. Но особенно опасно конспирологическое обаяние в качестве объяснения недавнего прошлого. Оно обессиливает реальный политический процесс, уводя его анализ и объяснение в плоскость мифов и фэнтези. Однако знать технологии реализации проектов, о которых пишет Г.Г. Почепцов, конечно же, надо – как для успешного осуществления конкретных идей, так и для успешного разоблачения манипуляции, противодействия ей.

А.П. Давыдов и М.Ю. Мизулин убедительно показывают, насколько глубока проблема инновационного развития для современной России, если на нее смотреть с точки зрения культурных барьеров, т.е. стереотипов осмысления мира, общества, человека, соответствующих норм поведения, социальных практик. А.П. Давыдов ищет природу этих барьеров в ценностном содержании российской культуры, ориентированном на жесткую традицию, что и порождает инверсионный характер развития российского общества, его неспособность преодолеть шараханья из крайности в крайность. Думается, что такой подход несколько абстрактен, поскольку упрек в традиционности может быть предъявлен любой культуре. И тогда задача – не в борьбе с культурой, а с конкретными ее проявлениями, в формировании новых трендов образа жизни.

По мнению М.Ю. Мизулина, таким трендом может быть искусство – единственная инновационно ориентированная сфера деятельности. Действительно, с одной стороны, в России именно искусство, литература (иногда кино, театр) всегда становились пилотами критики... С другой – современное искусство массового общества вообще стало социально санкционированной зоной нравственного эксперимента, социальной площадкой испытания культуры и морали общества «на излом». Поэтому искусство, по моему мнению, действительно, важно – как мониторинг, сканирование культуры, ее тупиков и перспектив. Но как источник инновационности – вряд ли.